Вестн. Ом. ун-та. 2007. № 3. С. 50–59.

УДК 1

А.Э. Петросян
Северо-Западная академия госслужбы, филиал в г. Твери

ПРЕДЫСТОРИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА: ДОЛГАЯ ДОРОГА К БЮРОКРАТИИ

Is there a danger of conversion of the current «soft» authoritarianism into totalitarianism? Evidently yes. The alarms are already present. The functionaries are in freedom and their «downstream» part — bureaucracy — slowly takes in hand the reins of government. Why becomes it possible? To answer this question one needs to uncover the historical roots of bureaucracy and the functions it had to execute.
On tracing the evolution of officialdom from ancient eastern despotism to new European absolutism the author shows the prehistory and the origin of bureaucracy. It arises on the ground of such an arrangement of life that is related to private property, mass production and increase in wealth as an end in itself of social development. On the one hand this state of affairs polarizes the constituents of the society and on the other hand it minimizes the differences inside these parts. The only class of functionaries is not so much getting homogeneous as growing differentiated. It's due to the bureaucracy that the officialdom binds the «shattered» society and transmutes itself into a divaricated hierarchy. And thereby the bureaucracy becomes the key link of the social organism.

Белый кролик надел очки.
— Откуда прикажете начать, Ваше Величество? — спросил он.
— Начни с начала,— веско сказал Король,— продолжай до самого конца. В конце остановишься.

Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес

Горбачевская перестройка началась в середине 80-х гг. прошлого века с лобовой атаки на бюрократию. Казалось, она является стержнем, несущей конструкцией тоталитарного строя. Стоит лишь разогнать эту «шайку» захребетников – и восторжествуют светлые идеалы, на алтарь которых положили свои жизни наши отцы, деды и прадеды. Однако даже сокрушительный удар по самой системе советской власти, нанесенный в начале 1990-х гг., мало что изменил в положении чиновничества. Оно не только не ослабло, но даже укрепилось. И сегодня, когда население России вдвое меньше, чем было в СССР, количество чиновников во столько же раз больше. И что самое удивительное, острие критического пафоса вновь направлено против бюрократии.

Что же произошло? Ведь тоталитарный строй вроде бы разрушен. На его месте выросла система, основанная на власти капитала. Правда, она насквозь пропитана «отрыжками» недавнего прошлого, а главное – сжимается в мощных объятиях государства. Но строй, с которым мы имеем дело, пока еще даже с натяжкой трудно назвать тоталитарным. Хотя в нем нарастают тенденции бюрократизации и зреют

новые семена тоталитарных начал, до настоящего всеобъемлющего контроля за гражданским обществом весьма далеко.

Есть ли опасность перерождения нынешнего «мягкого» авторитаризма в тоталитаризм? Безусловно. Тревожные симптомы уже налицо. Чиновничество ведет себя довольно вольготно, а его «низовая» часть – бюрократия – потихоньку прибирает к рукам реальные бразды правления[1]. Но что делает это возможным? Самодеятельность бюрократии? Вряд ли. Она лишь берет то, что плохо лежит. Ее удел – быть прислужницей власти, не обладая собственной волей. Но когда власть стремится пронизать собой гражданское общество, а потому сама вынуждена расщепляться на отдельные составляющие, автономизируя различные области своего бытия, наступает «золотой век» бюрократии, и она получает шанс не просто ухватиться за власть, но и направить ее в желаемое русло.

В мощном гуле (а иногда и треске) обличительных речей непросто расслышать здравую мысль. Да и, по правде говоря, тут уж не до аргументации. Гораздо важнее пригвоздить оппонента к позорному столбу. Но за чистой публицистикой должен последовать трезвый анализ, который позволит различить корни и крону. Иначе мы обречены на блуждание в потемках и бессильные заклинания в адрес тех, кто «присосался» к власти.

С кем надо бороться? С бюрократией? Но за что? Чего мы должны ожидать от этой борьбы? Упразднения бюрократии? Но однажды мы уже расправились с буржуазией. Что получили взамен? Полное разорение. Оказалось, что без полноправных хозяев экономика – заодно с благосостоянием – неминуемо идет к краху. А ведь еще Французская революция конца XVIII в. наглядно продемонстрировала это. Старушка-торговка из романа А. Франса «Боги жаждут», говоря о голоде, выносит безжалостный вердикт: «Виной всему была Республика, которая, разорив богачей, вырвала у бедняков последний кусок хлеба изо рта». А бюрократия? По силам ли нам ограничить ее произвол?

Каково место бюрократии в общественном организме? Что становится источником ее засилия и всесилия? Можно ли обойтись без бюрократии в управлении обществом? Вызывает ли она, подобно шаману, дух тоталитаризма, или же, наоборот, однажды явившись, тот призывает ее к себе на службу? Каково взаимоотношение бюрократии и тоталитарной власти?

Круг этих вопросов неисчерпаем. И если нам нужны ясные и точные ответы, нельзя ограничиваться тем, что мы видим. Чтобы разобраться в сути происходящего сегодня, придется обратиться к истокам бюрократии, ее происхождению и первым шагам в человеческой истории, а также к формированию тоталитаризма и кристаллизации места бюрократии в этой системе управления обществом.

Назад к истокам

Прогресс человечества связан с разделением труда, которое не могло не затронуть и сферу управления. Правда, в первобытную эпоху и даже на стадии разложения родового строя управленческие функции возлагались на старейшин и вождей в силу их общественного положения, сложившегося естественным образом. Но все большее обособление этих функций неизбежно требовало и специального круга лиц, постоянно занятых их осуществлением. Так зарождалось чиновничество как социальный слой.

Чиновничество обязано своим происхождением процессу кристаллизации собственности, главным образом земельной. Ибо земля – это, по выражению К. Маркса, лаборатория, доставляющая человеку и средства, и предмет труда. Кроме того, она есть пространство жизни и основа существования человеческих общностей (с их языковым единством, кровнородственными узами и т. д.). Когда стихийно сложившиеся коллективы людей начали вступать во владение теми или иными земельными участками со всеми их богатствами, противопоставляя себя другим коллективам той же общности, сцепленной тем, что над отдельными общинами как бы витало объединяющее начало в лице верховного и единственного собственника, появилась нужда в урегулировании взаимосвязи общин и их отношения к этому собственнику. Тем более, что ему принадлежала и часть важнейших средств производства (ирригационные каналы, средства сообщения и т. д.), которые общины могли использовать лишь совмест-

но. Именно контроль над этими взаимоотношениями и стал главной сферой деятельности чиновничества.

В Китае, где «азиатский строй» получил классическое выражение, чиновники (мандарины) играли определяющую роль. Они составили особую касту – своеобразную номенклатуру, которая, хотя и пополнялась извне, тем не менее оставалась весьма стабильной. Даже те мандарины, которые еще не имели должностей, состояли при дворе и должны были участвовать в празднествах. При императоре – основном центре власти «азиатского общества» – существовал государственный совет, члены которого руководили другими, менее значительными советами.

Однако эта иерархия никогда не принимала самодовлеющего значения. Во-первых, чиновничество не было привилегированным сословием. Перед императором все были равны, а точнее – одинаково бесправны. Любой мандарин, включая министра или вице-короля, мог быть побит бамбуковой тростью. Во-вторых, была полная гласность в управлении. Доклады о состоянии той или иной сферы жизни представлялись в госсовет, а тот доводил их до сведения императора, чьи решения освещались в придворной газете. Раз в пять лет чиновники каялись в своих грехах, причем достоверность сведений проверялась цензорами. Наконец, в самой чиновнической среде царил жесткий контроль. В каждом министерстве или регионе находился цензор, доносивший обо всем императору. Цензоры были несменяемы, вмешивались не только в государственные дела, но и в частную жизнь чиновников, и все вместе составляли трибунал. Они могли увещевать даже императора, причем нередко сам император вынужден был сообщать о своих ошибках и порицать себя.

Тут пока нет специализации чиновников, если иметь в виду не место в управленческой иерархии, а род деятельности. Лидером, ставящим конечные цели и принимающим ответственные решения, по крайней мере формально, является лишь император. От него зависит судьба государства, он ведает законами и правит, попутно обеспечивая взнуздывающий контроль. Остальные чиновники в той или иной мере сочетают «управленческие» и контрольные полномочия. И хотя им не дозволено решать принципиальные вопросы, они не ограничиваются чисто бюрократическими функциями. Так, всякий мандарин, столкнувшийся с серьезной проблемой – бунтом, наводнением и т. д., должен был тут же сообщить об этом «наверх» и, не дожидаясь дальнейших указаний, самостоятельно принять энергичные меры.

Важно и то, что власть чиновничества распространялась лишь на публичную жизнь. Что же касается гражданского общества, то в его дела оно практически не вмешивалось. Дело в том, что «азиатский строй» опирался, по существу, на общинную собственность. Хотя формально земля и ее богатства принадлежали деспоту, фактически ими владели общины, которые вполне могли существовать самостоятельно, имея все необходимые и достаточные условия для производства. К тому же оно носило традиционный, а значит, и стабильный характер. Ремесло и земледелие были слиты воедино, и в самой общине отсутствовала потребность в обособлении управленческих функций. А что до обязательств общины перед верховным собственником, то она передавала ему часть вновь созданного продукта в виде налогов, дани и прочего, а также участвовала в совместных государственных работах.

Собственно говоря, в гражданском обществе чиновничеству и нечего было делать. Места его пребывания – города – являлись большой редкостью. Это были либо внешнеторговые центры, либо столицы (обиталища государей). Села же, где в основном сосредоточивалась гражданская жизнь, были, по сути, приложением к земле – месту, где разворачивается производство. Единственное в этой сфере, что подлежало чиновничьему контролю, – это совместные средства производства и условия труда: дороги, реки, морские берега и т. д. Отчет об их использовании представлялся непосредственно в высший государственный совет.

Примерно так же обстояло дело и в военных империях. Например, персидский царь царей отправлял в подвластные ему края сатрапов – главных контролеров, и, хотя он считался собственником всей земли и воды в этих краях, народы пользовались ими по своему усмотрению. Сатрапы предоставляли местным власти-

телям самостоятельность в обмен на обязанность содержать двор и доставлять туда лучшее из того, что у них есть.

Таким образом, во всех восточных деспотиях государство фактически было отделено от гражданского общества. Диодор Сицилийский писал, что Египет был единственной из известных ему стран, в которой граждане заботились не о государстве, а только о своих собственных делах. Поэтому, несмотря на обилие чиновников, там нет их засилия в обществе, как нет и бюрократии, запускающей свои щупальца в частную жизнь. А эмбриональные бюрократические функции по надзору за нижестоящими и информированию вышестоящих распределяются между чиновниками, облеченными полномочиями в ведении государственных дел.

Античное общество строилось на диаметрально противоположном базисе. В нем община – не субстанция, чьим проявлением оказываются отдельно взятые индивиды. Ее фундамент – не земельный участок как таковой, а город как место поселения земледельцев. Если в «азиатских обществах» село попросту примыкает к земле, на которой работают общинники, то в античном мироустройстве пашня – это территория города.

Чем обусловлена эта первичность города? Тем, что тут на переднем плане важная работа по захвату и (или) удержанию (защите) новых земель и условий существования. Особенно наглядно это демонстрирует пример Рима, который поначалу был попросту разбойничьей организацией. Отсюда необходимость военного сплочения как предпосылки существования общины в качестве собственника и концентрация жилищ в городе как основа такой организации.

Но в античном обществе возникает и частная собственность, которая непосредственно принадлежит не общине, а отдельному человеку, самостоятельно обеспечивающему свое существование. Стало быть, сама община предстает как взаимное отношение свободных и равных частных собственников, их объединение против внешней угрозы. Именно это и «цементирует» общину, предметно воплощаясь в совместной (публичной) собственности, используемой для удовлетворения общих потребностей. Члены общины тратят часть своего «прибавочного» времени на общинную деятельность – военное дело и т. д. То есть их кооперация происходит не в процессе производства, создающего богатство, а в труде, обеспечивающем сохранность общинного союза.

Этим обусловлен и хозяйственный состав античной общины. В нее входит, во-первых, город с прилегающей к нему сельской местностью, которая является земельной собственностью граждан. Во-вторых, мелкое сельскохозяйственное производство, служащее для непосредственного потребления. И, в-третьих, промышленность, которая поначалу выступает в качестве побочного домашнего занятия жен и дочерей (прядение и ткачество), поэтому она (за небольшим исключением) фактически ориентирована не на богатство, а тоже на потребление. Все остальное время в античной общине посвящается публичной (государственной) жизни.

Такой общественный базис и вызвал к жизни ту форму государственного устройства, которая с некоторыми вариациями доминировала в Греции и Риме. Ее ядром было прямое участие полноправных граждан в политических делах. Поэтому государство в античном обществе, по существу, совпадало с повседневной жизнью народа. Оно являлось частным делом свободных граждан.

Однако возможность самоуправления была обусловлена также рядом особенностей античных государств. Во-первых, это рабовладение, которое освобождало граждан от непосредственного участия в производстве и позволяло им целиком посвятить себя государственным делам, гимнастическим упражнениям, праздникам, войнам и т. п. Иначе говоря, равенство граждан неизбежно требовало вынести за скобки не граждан: рабов и метеков в Греции и (первоначально) плебеев в Риме. Во-вторых, лишь в обществе, где гражданин не обременен рутинными заботами, он может обрести политическую цельность и пластичность, опыт участия в принятии решений, совещаниях, а также ораторские навыки, искусство возбуждения речью. И, в-третьих, такое возможно лишь в небольших государствах, не превышающих размеры города, т. е. в замкнутом общественном пространстве («малом отечестве»), в котором совместная жизнь индивидов и их прямые контакты между собой поддерживают общность культуры и политических

традиций. Отсюда и «патриотизм без рефлексии», характерный для греков и римлян, ибо перед их глазами находилось живое отечество – совершенно конкретная форма жизнеустройства, круг сограждан, нравы, привычки, настолько близкие и дорогие, что без них нельзя было себе представить саму жизнь.

Все это исключало чиновничество как особый социальный слой. Конечно, существовали государственные должности, на которые выбирались народом, как правило, достойные люди. Но их было немного, да и находились они под непосредственным контролем народа. Бюрократические функции (учет, надзор и т. д.) начисто отсутствовали – все и так было как на ладони. А сама чиновничья власть, как и в военных деспотиях, не распространялась на гражданское общество. Ибо его главные члены – непосредственные производители – попросту исключались из состава народа.

Разумеется, случались и попытки сосредоточить в своих руках необычно большую власть и тем самым выйти из-под контроля граждан. Но, пока сохранялся базис античного общества, успех этих попыток не мог быть ни окончательным, ни сколько-нибудь продолжительным. Более того, долгая борьба римских низов привела к тому, что они получили земельные участки и защиту от сильных, отвоевали право завести собственных чиновников – плебейских трибунов, противостоявших сенату, а затем и вовсе пробили себе дорогу ко всем государственным должностям (правда, вначале их чиновники были ниже статусом, нежели патрицианские). И только после полного соединения патрициата и плебса в Риме установился прочный внутренний строй.

Но как только поколебался базис античного общества, чиновничество стало превращаться в отдельное сословие. Это было связано прежде всего с экспансией Рима. Частные интересы граждан возобладали над общими и даже вступили с ними в острое противоречие. Рим перестал быть цементирующим началом. Если раньше земля, занятая общиной, считалась римской землей, равно как и гражданин был римским постольку, поскольку он ею владел, то теперь частные владения оказывались все менее римскими и фактически (колонии), и формально, ибо их хозяева обособлялись, укрепляли свою самостоятельность и уже не так нуждались в римском гражданстве. В обширных просторах растворялось малое отечество, разлагались устои римской жизни.

Правда, Цезарь было сплотил Рим, вопреки партикуляризму, но это удалось ему лишь путем фактического подавления сената. Опираясь на армию и преторианскую лейб-гвардию, он превратил их в действительную основу власти и ее источник. Эти силы уже могли сажать на трон кого угодно и столь же легко свергать властвующих. Так, император Проб утратил трон, а вместе с ним и собственную жизнь только за то, что собирался распустить лейб-гвардию. Тем самым грубая сила заменила социальный фундамент власти. И даже убийство Цезаря, которое имело целью вернуть «золотой век» римской истории, ничего не дало – Рим перестал быть самим собой.

Новый Рим чем-то напоминал восточную деспотию. Император вновь стал в нем всеобъемлющей фигурой, но больше по форме, чем по содержанию. Окружение его было очень могущественным, а сама империя базировалась не на общинной, а на частной собственности. Распались прежние связи, нарастали трения, и, хотя при Каракалле были упразднены все различия между подданными римского государства, ширился произвол. Организация утрачивалась, и люди удалялись от государственных дел. Город совпадал с местом деятельности граждан, а его быт – с их непосредственной жизнью. Они не нуждались во внешних посредниках в деле управления. Поэтому император больше царствовал, чем правил. Да и чиновники чувствовали себя не в своей тарелке, хотя отдельным авантюристам, бывало, сопутствовала удача.

Под расколотым куполом

Средневековое общество сперва почти точно воспроизводит структуру римской власти времен империи. Однако различие внешне хотя и невелико, но все-таки принципиально. Во-первых, тут гораздо больше организации и меньше произвола в отношениях между отдельными звеньями власти, а во-вторых, как это ни странно, они относительно самостоятельны в своих действиях. Причем оба эти свойства, которые,

на первый взгляд, противоречат друг другу, уходят корнями в глубь общественного устройства.

Базис средневекового общества резко отличался как от восточного, так и от античного. Здесь не было ни непосредственно коллективного владения имуществом, ни совместного проживания в городе. Главы семей селились отдельно и были разобщены, и бытие общины могло осуществляться лишь через сходку ее участников. Правда, для этого имелись все предпосылки – общее происхождение, язык, обычаи и т. д. Да и общинная собственность (места для охоты, пастбища, лес для рубки и др.) также способствовала единению. Эта неделимая земля играла важную роль в жизни общины, и ее, конечно же, надо было защищать от внешних угроз. Но собственность средневековой общины – это общая собственность отдельных индивидуальных собственников, а не собственность союза этих собственников, как в античном обществе.

Классической формой политического устройства в раннем средневековье было государство Карла Великого. Сам император являлся военачальником и богатым землевладельцем, обладая также и высшей судебной властью. Все его могущество зиждилось на интересах общинной самозащиты при помощи ополчения, куда входили свободные люди, которым полагалось самим заботиться о своем пропитании во время войны. Предводители этого ландвера приобретали чиновничий статус, а политические функции – иерархическое выражение. Так появились графы (в округах) и ландграфы (в пограничных округах – марках), которые затем были подчинены герцогам, назначавшимся самим императором. Вассалы же стали получать от императора имения в обмен на обязательство являться на службу по его приказу.

Ввиду некоторой раздробленности такого политического устройства, ощущался недостаток оперативной власти императора. Поэтому в качестве компенсации приходилось держать постоянное войско, применявшееся в делах, не терпящих отлагательств. Кроме того, был введен институт уполномоченных, т. е. особого рода чиновников, разъезжавших по государству и надзиравших за его состоянием, осматривавших имения и контролировавших суды, наконец, докладывавших императору обо всем, что увидено и услышано. Этих чиновников можно было бы счесть прообразом нарождавшейся бюрократии, если бы не то обстоятельство, что им официально были предоставлены и властные полномочия. Так, они выслушивали жалобы и наказывали виновных за совершенные несправедливости. При императоре существовал и высший совет из наиболее знатных сановников, созывался он дважды в год.

Эта иерархия отдаленно напоминает «азиатское» устройство власти. Однако император тут, конечно, гораздо менее могущественен, нежели деспот. Вдобавок более независимы влиятельные члены общины, которые тяготеют к тому, чтобы образовать самостоятельную общину и встать во главе ее.

С течением времени тенденция к разобщению нарастает. С одной стороны, усиливаются возможности сановников по самообороне, а с другой – нарушаются прежние связи с соседями. Отдельно взятый дом все больше выступает в качестве самостоятельного центра производства и повседневной жизни, тем более что промышленность все еще остается побочной домашней работой. Этот дом, занимая лишь один небольшой участок на принадлежащей ему земле, объединяет вокруг себя множество производителей. В итоге отпадает потребность в централизации власти, возникает пресловутая феодальная иерархия.

Рядовые люди уже не относятся к графам как государственным чиновникам, да те и не требуют этого. Вполне достаточно, чтобы им подчинялись как частным лицам. Тем самым графы присваивают государственную власть и делают ее наследственным достоянием. Этот процесс формально противоположен возвышению королей, но по своей внутренней сути ему эквивалентен. Если раньше высокопоставленные лица раздавали ленные владения, вознаграждая ими своих вассалов, то теперь слабые и бедные отдают свое имущество тем из сильных мира сего, в чьей защите и поддержке они нуждаются, и получают его назад вместе с обязательствами перед своим патроном. Так свободные люди становятся вассалами, а их имущество – пожалованным. Попутно исчезают свободные

общины, подпадая под власть графов, герцогов и прелатов, государей и князей.

С чиновничеством происходит удивительная метаморфоза. С одной стороны, каждый отдельный чиновник получает почти абсолютную власть в сфере своей компетенции и, сохраняя ее, передает по наследству, а с другой – разрушается сама чиновничья иерархия. Чиновники непосредственно руководят своими подчиненными, но дальше этого их власть не простирается. Даже короли и императоры – это не столько главы государства, сколько начальники над князьями, которые, в свою очередь, хотя и являются их вассалами, вполне самостоятельно управляют подвластными им территориями («вассал моего вассала мне не вассал»). Причем чиновничество ведет себя независимо и на имперских сеймах, превращая власть императора, по существу, в декоративный атрибут.

В то же время начинается сращение политической организации с гражданским обществом. В той мере, в какой государственные функции утрачивают общественный характер и превращаются в частные привилегии (частную собственность) одного сословия, раскалывается само общественное устройство. Чиновничество утрачивает функцию выражения всеобщего интереса и становится проводником собственной частной воли на основе контроля над гражданским обществом.

Правда, чиновничий контроль носит пока в основном внешний характер. Это контроль (и произвол) отдельного чиновника, а не всего сословия, т. е. индивидуальная власть над своими подчиненными – небольшой общиной. К тому же чем выше иерархическая ступень, на которой стоит чиновник, тем меньше реальный контроль над целым. Однако и его было вполне достаточно, чтобы наступила мрачная ночь средневековья. Ибо разделение труда консервируется в политических формах. Политика проникает в гражданское общество, но именно потому она и выхолащивается. Тем самым власть все больше становится не политической, а хозяйственной.

Прорыв в бесконечность

В этом океане всеобщего партикуляризма начинают выделяться города, где индивиды вновь занимаются общим делом: строят башни стены, рвы для защиты города, причем отдельным лицам запрещается иметь свои особые укрепления. Тут появляются старейшины, присяжные, консулы, учреждается общественная касса, взимаются налоги и пошлины. Общий интерес города подкрепляется и необходимостью борьбы против единого противника – феодалов, от которых надо освободиться и выкупить свои права. В самом городе формируются особые корпорации – цехи, и даже дворянство, переселяясь в город, образует свой цех и на какое-то время захватывает власть, но быстро ее снова утрачивает. Наконец, возникают свободные республики европейских городов – сначала в Италии, а затем и в Нидерландах, Германии и Франции.

Казалось бы, политическое устройство в средневековом городе повторяет античность. И в чем-то это действительно так. Но есть между ними и коренное различие.

Во всех предшествовавших формах общественного устройства внутренняя тенденция была такова, что в них воспроизводились естественно сложившиеся, традиционные отношения человека к общине и другим людям. Эти формы изначально ограничены, и, когда историческое развитие выходит за рамки существующих отношений, начинается их упадок или даже полное разрушение. Так, в Риме рост рабовладения, с одной стороны, и выравнивание гражданского статуса патрициев и плебеев – с другой, а также концентрация земли в немногих руках, захват новых владений и образование колоний исподволь подточили фундамент государственного строя. Поначалу эти процессы отнюдь не воспринимались как угроза общественному устройству. В каких-то отношениях они выглядели как его продолжение и развитие, а в остальном казались простыми злоупотреблениями на почве римской формы. С ними боролись, в том числе и законодательно. Но с течением времени (по мере нарастания чуждых тенденций) община распалась и была заменена имперской организацией.

Иное дело свободные города средневековья. Их жизнь была связана прежде всего с промышленностью, а не земледелием и потому не была обусловлена природными циклами и тем более не нуждалась в общинном устройстве. Конечно, и

промышленность имеет свои пределы, но она постоянно стремится к увеличению самой себя, неограниченному расширению, а не только к воспроизводству и сохранению status quo. Другими словами, промышленность – это такая форма деятельности, чья единственная предпосылка состоит в возможности выйти за свои собственные рамки, в увеличении общественного богатства, тогда как именно накопление этого богатства до некоторого критического уровня разрушало все прежние общинные формы. Таким образом, кристаллизация городов, развивающих промышленность, – это бомба замедленного действия, заложенная под феодальное устройство общественной жизни. А по мере роста городов, их расширения и захвата прилегающих к ним территорий, вступая с окружающим миром в непосредственные хозяйственные отношения, они становятся для него жизненным ориентиром.

Однако накопление богатства в универсальной форме денег, т. е. «очищение» его от местных, индивидуальных, натуральных условий, приводит к возникновению общенационального рынка. В то же время резко повышается спрос на рабочую силу, которой хронически не хватает. Все это требует централизации власти, способной обеспечить действительное единство государства. И почти номинальные короли и императоры получают хороший шанс наполнить свои титулы реальным содержанием. Они подчиняют себе вассалов, которые из-за нежелательного усиления городов теперь готовы сплотиться вокруг своего монарха, понимая, что только их сословная солидарность может помочь успешно противостоять экспансии промышленности. Тем самым вассалы как бы восстанавливаются в правах государственных чиновников, хотя первоначально монархия носит сословно-корпоративный характер, ибо сохраняется масса частных прав и обязательств.

Кажется, что естественным путем воссоздается форма государства Карла Великого. Но это не так. Ядром новой государственности выступают не ленные, а частнособственнические отношения.

В основе всего государственного устройства лежит частная собственность самого монарха, его владение имениями и удельным имуществом. Наряду с судебной властью и административными функциями, они составляют собственность государства и государственное дело. А вокруг них уже группируются частные владения других лиц, образуя земельный и имущественный фонд государства, в чье ведение постепенно переходят все функции власти. Упраздняются права династов, которые взамен получают государственные должности. Более того, намечается тенденция к созданию новой чиновнической «номенклатуры», которая относительно независима от дворянства как сословия и целиком преданна монархии. Это достигается, во-первых, благодаря нивелировке всех дворян, во-вторых, принуждению их служить государю (даже против их воли) и, в-третьих, открытию доступа к административным должностям людям «подлого» происхождения (хотя их доля была, конечно же, невелика, но это тоже подхлестывало дворян).

К примеру, Петр I уничтожил деление на окольничьих бояр, дворян и т. д., т. е. на наследственно владевшее землей боярство и служилое дворянство. Все они стали дворянами, «шляхетством». Указом от 1714 г. о единонаследии было упразднено и различие между наследственными землями – вотчинами и поместьями, которые давались за службу. Все они оказались в полном распоряжении дворянства – стали «имениями», «недвижимой собственностью». Тот же указ устанавливал, что поместье может передаваться лишь одному сыну в семье. Не только затем, чтобы не «охудевали» дворянские роды и не падала платежеспособность крестьянства, но – главное для того, чтобы заставить дворян нести «государеву службу», а также торговать и промышлять, т. е. жить на «государево жалованье» или иные заработанные доходы. Владетельная аристократия была вынуждена подчиниться этим условиям, ибо в целом понимала, что иначе может полностью утратить свое влияние, и, хотя и не без борьбы (иногда весьма ожесточенной), в конце концов стала опорой трона и своеобразным промежуточным, связующим звеном между монархом и народом.

Таким образом, гражданское общество вновь отделяется от государства, но уже на базе частной собственности. Набирающая силу промышленность и примыкающая к ней торговля постепенно выпадают из-под административного надзора, функ-

ционируя практически в автономном режиме. Поэтому государство оказывается как бы формальным элементом общества, т. е. основу власти составляет государственный формализм. Не случайно действительной опорой государства выступает постоянно действующая армия, которая, как и в Римской империи, защищает его не только от внешних посягательств, но и от внутренних врагов централизма.

Но это лишь одна сторона дела. Несмотря на схожесть с Римом времен империи, есть и важная разница. Превращение Рима в империю выводило его за рамки общинной формы собственности и основанной на ней системы власти, но лишь внутри них самих, как их собственные модификации, предельные формы, в конце концов приведшие к упадку и разложению самого содержания. Абсолютная же монархия опирается на независимую, все более капитализирующуюся частную собственность с преимущественной ориентацией на промышленное развитие и конечной целью, связанной не с воспроизводством существующих отношений, а с непрерывным приумножением общественного богатства. Наряду с потребностью в едином общенациональном рынке и универсальной валюте, это обстоятельство ограничивает центробежные тенденции частной собственности и обеспечивает заинтересованность широких слоев в сильной центральной власти, которая, как рычаг, может перевернуть ход исторического развития, ускорить или замедлить его темпы, создать для него необходимые условия.

Скажем, английский король Генрих VIII закрывал монастыри, чтобы высвободить рабочие руки, а Эдуард VI установил целую серию наказаний (вплоть до смертной казни) для здоровых людей, не желающих работать. Позже тех, кто отказывался работать по существующим правилам, подвергали тюремному заключению. Так возникла система государственного принуждения с целью превращения человека в наемного работника, поскольку далеко не каждый из лишившихся собственности был готов работать на предлагаемых ему условиях.

Монархи воздействовали и на тех, кто развивал капиталистические формы производства. Так, Петр I предоставлял льготы и денежную помощь купцам, на выгодных условиях продавал им казенные заводы, создавал торговые компании. Более того, и само дворянство он принуждал заняться промышленностью и коммерцией, приписывал крестьян к заводам и т. д. Все это в корне меняло общественную ситуацию, закрепляя абсолютную власть монарха и его право вмешиваться в дела гражданского общества.

Таким образом, аппарат власти, вроде бы отчужденный от гражданского общества, тем не менее снова протягивал к нему свои щупальца, оказывая на него ощутимое, а иногда и решающее влияние. Причем далеко не всегда против воли тех, кто занимал в гражданском обществе господствующее положение. Возникла особая сфера чиновничьей деятельности, связанная с контрольно-распорядительной функцией власти. И, естественно, государственное устройство было несколько модифицировано, а главное – появилась особая категория чиновников, призванных разрешить это противоречие между формальным характером абсолютистского государства и теми содержательными задачами, которые встали перед ним в связи со «строительством» нового гражданского общества. Это и есть бюрократия – историческое дитя абсолютной монархии. К ней относились, например, при Петре I «прибыльщики», ведавшие налогами и изучавшие возможность установления новых видов и размеров поборов, и «посыльщики», доставлявшие к монарху «нетчиков» – уклонявшихся от службы дворян.

В абсолютистском государстве начинает складываться и развернутая чиновническая иерархия. Во главе ее стоит сам монарх, постоянно напоминающий, что он служит державе, и культивирующий специфическую «державную идеологию», которая направлена не только и не столько на сплочение страны, сколько на полное подчинение граждан и общественных институтов единому центру власти. Отсюда проистекают и ростки тоталитаризма, начинающего проникать в частную жизнь гражданского общества. Учреждаются должности секретарей, а при них — канцелярии. Недремлющее око власти при Петре I ставит под свой контроль даже церковь, заменяя собой патриаршество. Сам государь бесцеремонно вмешивается в личные дела дворян и распоряжается их жизнями, оказывает непосредственное влияние на деятельность частных заведений.

Однако эти тоталитарные тенденции не могли еще оформиться в целостную, внутренне завершенную систему, ибо укрепление частной собственности, рост промышленности и торговли все больше выводили события из-под власти государства, ослабляя его направляющую роль. Более того, несмотря на раздутую армию чиновников как нервную ткань абсолютистской власти, многочисленные злоупотребления служебным положением и неуклонную кристаллизацию их частного интереса, государство было пока достаточно защищено от бюрократизма. Разумеется, его проявления были – и немалые. Всевозможные «неправды» и «дурости», разветвленная система воровства и взяточничества составляли саму атмосферу чиновничьей среды. Не помогали даже их жестокие преследования. Так, на требование Петра I написать указ о том, что вор должен быть немедленно повешен, генерал-прокурор Ягужинский невозмутимо ответил, что в этом случае царь останется один, без подданных. И все же бюрократизм не мог опутать собой государственную власть.

Во-первых, чиновничество еще не успело в полной мере восстановить сословные интересы, не говоря уже о корпоративном сознании, а новорожденной бюрократии и вовсе было не под силу выступить в качестве самостоятельного фактора. Во-вторых, частное производство, которое наращивалось день ото дня, получало все больше возможностей оградить свои интересы от чиновничества. И, наконец, в-третьих, жесткая централизация, способствовавшая контролю сверху, и наказание злоупотреблений (при всех издержках) в целом позволяли сдерживать бюрократические тенденции.

Таким образом, бюрократия органически связана с формированием такого жизнеустройства, которое основано на частной собственности, массовом производстве и увеличении богатства как самоцели общественного развития. С одной стороны, оно поляризует составные части общества, а с другой – нивелирует различия внутри этих частей. Тот же Петр I отнюдь не ограничился унификацией дворянства, но и с помощью новой налоговой (подушной) политики «уравнял» социальные низы, превратив их в одну сплошную неимущую массу. Единственным сословием, которое было не снивелировано, а наоборот, дифференцировано и образовало разветвленную иерархию, оказалось чиновничество. Эта иерархия была окончательно закреплена в особой «Табели о рангах» (1722 г.), насчитывавшей 14 уровней (от коллежского регистратора до канцлера).

В абсолютистском обществе бюрократия как «винтики и шестеренки» аппарата власти выражает волю руководящих чиновников – прежде всего монарха и его приближенных. Она выполняет объединительную функцию, согласуя действия промышленников, торговцев и других слоев общества в русле общей политики центральной власти. В той мере, в какой эта власть стремится к развитию капитализма, бюрократия играет прогрессивную, мобилизующую роль. Но она с таким же успехом может противостоять капитализму, если ее «хозяева» того от нее потребуют. Тем самым бюрократия становится прислужницей абсолютизма, его щупальцами в гражданском обществе, выступая фактически в качестве скелета, «материализации» державной идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О природе тоталитаризма, структуре чиновничества и функциях, которые оно выполняет в системе тоталитарной власти, см.: *Донской Г. (Петросян А.Э.).* В плену осажденного Замка, или Апология грешной бюрократии // Вестник высшей школы. 1990. № 7.